Безусловно, эти примеры сами по себе еще ничего не означают, но они приобретают вполне определенный смысл на фоне высказанных выше сомнений в атрибуции. Совершенно очевидно, что Кантемир, которому во время появления этих произведений (*приблизительно 1730 г.*) *только исполнилось 20 лет, не мог* писать о своей «старости». В таком психологическом контексте иначе воспринимается даже форма прямого обращения к читателю, восходящая несомненно к подлинному тексту псалма, но усиленная в переложении до непосредственного разговора с конкретным адресатом. Это разговор человека, прожившего жизнь, с юным, которому еще предстоит «населить землю любимыми чадами».

Учитывая данный психологический контекст, можно предположить, почему в современном Кантемиру списке его произведений Q.XIV.6 переложение 36 псалма следует за текстом кантемировской «Песни утешительной». Ведь утешая «плачущего пастушка» Феофана, Кантемир в конце «Песни» жалуется на свои житейские и материальные трудности:

Уже трожды солнце вкруг обежало
Путь свой белый,
А я не имею ни льготы нимало,
Весь унылый.
Лишен и стадца, лишен хижины,
Лишен нивы,
Меж пастушками брожу единый
Несчастливый.

Возможно, именно как ответ на эти жалобы появился читаемый вслед за кантемировским эподом «Metaphrasis Ps. 36». Но ответ, написанный, очевидно, Феофаном Прокоповичем.

Оба переложения псалмов обязаны своим появлением политической ситуации 1730 г. Переложение 72 псалма содержит ретроспективную оценку душевного состояния автора и близких ему людей в тяжелый период политической реакции, воцарившейся в стране после смерти Петра. Весь эпизод стихотворной «утешительной переписки» между Феофаном и Кантемиром и является поэтическим свидетельством тяжелого в жизни обоих времени. И как факт общности биографий эти переложения псалмов появились в рукописях кантемировских сочинений (Q.XIV.6 и СПб.Д.А.IV/8). Позднее, в 50-е гг., появляется сборник сочинений Феофана (БАН, шифр Тек. пост. 142), в котором мы снова встречаем знакомые произведения, но уже не как факт сообща переживаемой двумя людьми истории, а как факт литературного творчества одного из них — Феофана Прокоповича.